

Лю Сиян продолжал:

— Мы вчетвером действовали слаженно, поэтому она быстро раскрыла свои истинные намерения. На самом деле она пыталась склонить нас примкнуть к Храму Фэньхо и шпионить для Читяня в Альянсе боевых искусств.

— В тот момент брат Чжао притворился, что не верит ей, чтобы вывести больше доказательств. Тогда она достала множество драгоценных камней и банковских билетов. Одна лишь ледяная жемчужина ясного неба была редчайшим сокровищем, ценой в десятки тысяч золотых.

Хоть Чжу Яньинь и вырос в богатстве и роскоши, он никогда не слышал о ледяных жемчужинах ясного неба, поэтому невольно залюбопытствовал.

И тут же перед его глазами предстал прозрачный, отливающий золотом драгоценный камень. Ограненный в форме шестигранника, он и впрямь сиял, словно ледник, отражающий лучи теплого солнца на ясном небе.

— Во Дворце Ваньжэнь такого добра навалом, — равнодушно бросил Ли Суй.

И в Храме Фэньхо есть, и во Дворце Ваньжэнь тоже... Чжу Яньинь подумал, что их учитель, должно быть, просто разделил сокровища между двумя своими учениками. Он не стал отказываться и послушно принял подарок:

— Спасибо.

Окружавшие их люди из различных орденов Цзянху смотрели во все глаза — завидовали и страстно желали получить то же самое.

После того как женщина выложила гору богатств, все четверо поверили в ее причастность. По словам Лю Сияна, они тогда несказанно обрадовались: пусть самого Читяня поймать еще не удалось, но пленить одного из его приспешников — уже великая заслуга, которая принесет им почет и славу. Поэтому они решили усыпить женщину сонным зельем и доставить ее в Альянс боевых искусств.

В тот день все пятеро прибыли в Ваньцзинчэн.

Лю Сиян сказал:

— Мы решили действовать прямо здесь.

Цуй Вэй, верный своей старой порочной привычке волочиться за юбками, не пробыл в городе и полдня, как положил глаз на Цю Фаньэр. Привыкший бесчинствовать и вести себя нагло, он ни во что не ставил бродячую артистку без всякой опоры и связей. Сначала он зажал ее в переулке и принялся донимать непристойностями, а когда она сбежала, лишь громко расхохотался и сказал Лю Сияну: «Посмотришь, как я проучу ее сегодня ночью».

Лю Сиян не придавал значения этим словам — вернее сказать, попросту пропустил их мимо ушей. За ужином Цуй Вэй так и не появился, но искать его никто не стал. Лю Сиян, Чжао Хунху и Гэ Чанье продолжили обсуждать план действий на следующий день — по сути, всё сводилось к тому, чтобы подсыпать зелье, связать ее и увезти, о чем можно было договориться в трех словах.

Закончив обсуждение, они уже собирались расходиться по комнатам, как вдруг в дверь постучала тетушка Хуэй. Она принесла ночные закуски и вино, сокрушаясь, что после стольких дней пути они не ели ничего путного, и потому нарочно приготовила курицу, утку и рыбу.

Лю Сиян продолжил:

— Раньше она тоже часто готовила для нас. Мы побоялись, что резкий отказ спугнет змею, поэтому сели за стол.

Кто же знал, что вскоре после трапезы у Чжао Хунху и Гэ Чанье один за другим проявятся признаки отравления? Они рухнули на пол, мучаясь от невыносимой боли и тяжело дыша. Лю Сиян понял, что дело приняло дурной оборот, и попытался ударить первым, но не успел даже вытащить меч из ножен, как получил мощный удар ладонью в грудь и долго не мог подняться.

Женщина сорвала с себя личину кроткой и простой простолюдинки, переменившись до неузнаваемости. Закинув ногу на ногу, она восседала на стуле и глумливо усмехалась: «Вы, ничтожества, вздумали отравить меня? Раз уж не цените доброту, вам одна дорога — на тот свет. Не волнуйтесь, когда вернется этот ваш Цуй, я поскорее отправлю его вслед за вами в Желтый источник».

Видя, что замысел раскрыт, Чжао Хунху не пожелал сдаваться и из последних сил выплюнул:

— Пфуй! Брат Цуй не вернется! Он давно разгадал твой заговор и отправился звать на помощь Альянс боевых искусств!

Лю Сиян сказал:

— Выслушав его, она вышла за дверь. А вскоре притащила и брата Цуя — тот был с ног до головы в крови.

Чжао Хунху и Гэ Чанье еще хрипели, цепляясь за жизнь. Женщина сочла, что они лишь путаются под ногами, и поочередно задушила обоих веревкой. Лю Сиян лежал с заблокированными акупунктурными точками, а Цуй Вэй от страха совсем лишился рассудка. Он только и мог лепетать, что готов примкнуть к Демоническому культу, позабыв обо всем на свете. Женщина трижды спросила его, где спрятана казна его ордена, но он так и не смог ответить.

Лишь спустя долгое время Цуй Вэй будто очнулся ото сна и закричал:

— В Янхэ! В долине Байхуа на берегу реки!

Лю Сиян вздохнул:

— Брат Цуй выдумал это место на ходу. Он не знал, что женщина давно выведала, где находится казна Цзышань, и спрашивала лишь для того, чтобы проверить, действительно ли он готов служить ей.

Представители орденов Цзянху слушали это с кипящей яростью — подобная жестокость и хладнокровие переходили все границы человечности. Что же касается ордена Цзышань, то к их гневу примешался панический страх. Зачем выведывать расположение казны? Неужели их школа вслед за бандой Цзиньцзянь станет следующей целью Храма Фэньхо?

Лю Сиян хрипло произнес:

— Видя, как она убила брата Цуя, я думал, что буду следующим. Однако она не тронула меня, а, напротив, освободила мои точки и пообещала сохранить жизнь, если я запишу для нее секреты техники сабли Парящего Облака. В тот момент у меня не было иного выхода, кроме как притвориться, будто я согласен. Только так мне удалось уцелеть и добраться до того публичного дома.

Суть дела прояснилась. Хотя три ордена лишились своих учеников, Цуй Вэй и его товарищи до последнего вздоха отказывались примыкать к Демоническому культу. Они не посрамили чести праведного пути, поэтому бывшие прегрешения, связанные с погоней за плотскими утехами, можно было предать забвению. Даже Тань Шань объявил, что больше не держит на них зла.

Вань Чжунюнь сочувственно произнес:

— Молодой воин Лю, ступай отдохни.

Лю Сиян поднялся, опираясь на плечо младшего ученика. Казалось, он хотел сказать что-то еще, но после долгих сомнений так и не проронил ни слова. Чжу Яньинь проводил его взглядом. Ему тоже стало любопытно: что же это за недосказанность, которую тот утаил?

Ли Суй отвел взор, погруженный в собственные мысли.

Местный уездный судья Ма Бао все эти дни не знал покоя ни на час, безумно боясь, как бы люди из Цзянху не устроили смуту. Узнав, что дело раскрыто, он пришел в неописуемый восторг. Он тут же выбрал за городской чертой приличное место для могил, нанял оркестр с сонами, чтобы проводить троих павших героев в последний путь, а затем лично явился на постоялый двор Шаньнань. На его лице крупными буквами было написано страстное желание поскорее спровадить этих несносных гостей.

Впрочем, Альянс боевых искусств и сам не собирался задерживаться. Ранним утром третьего дня все покинули Ваньцзинчэн и продолжили путь на север.

На сей раз караван усадьбы Чжу двигался в самом хвосте. Второй молодой господин Чжу с утра решил подольше понежиться в постели, и когда наконец спустился вниз во всем великолепии своего наряда, в городе оставались лишь ученики Дворца Ваньжэнь.

Что ж, отлично.

Как раз можно ехать вместе.

В авангарде шествовали орден Цзышань, банда Хунъюнь и еще несколько крупных школ. Огибая горный склон, один из воинов взгляделся вдаль и удивленно спросил:

— Разве это не караван усадьбы Чжу? Помнится, они выехали из города позже всех. Как они ухитрились обогнать нас?

— Хм, очень похоже.

— Не заметил. Наверное, проскочили мимо, пока мы не видели.

— Да неужели?

После недолгих пересудов кто-то подметил неладное:

— Этот караван движется на запад, нам не по пути.

Пройдя еще немного, они сблизилась. Теперь люди из Цзянху отчетливо разглядели: идущий впереди караван лишь походил на процессию усадьбы Чжу в Цзяннани, но все же отличался. Кони в упряжках тоже были сплошь белыми, но ни один из них не являлся Чжао Юйшицзы. Всех их заменили еще более редкие скакуны породы Байша Сюэин. Одевания слуг и охраны, отделка экипажей и даже разносившийся по воздуху аромат благовоний — во всех деталях крылись едва заметные различия. Если и искать сходство, то лишь в роскоши убранства: оба каравана ослепляли богатством и заставляли цокать языком от изумления.

Каким же невероятным состоянием нужно обладать, чтобы равняться в роскоши с усадьбой Чжу в Цзяннани?

Задаваясь этим вопросом, прохожие невольно косились в сторону повозки.

В этот момент караван остановился. Слуги бережно помогли сойти из кареты молодому человеку лет двадцати. Одетый в парчовые одежды небесно-голубого цвета, с нефритовым веером в руке, он выглядел на редкость изящным и благородным. Интересно, из какой семьи этот молодой господин?

Заметив краем глаза толпу из Цзянху, этот благородный господин тут же отступил на пару шагов вправо, всем своим видом выражая брезгливость: «Фу, какая безвкусица».

— Братец! — Чжу Яньинь верхом на Тисюэ Учжуй во весь опор вылетел вперед и радостно воскликнул.

Братец?

Люди вокруг разом все поняли.

Ну конечно!

В конце концов, превзойти в расточительности именитый клан из Цзяннани мог только сам этот клан!

Этого щеголя звали Чжу Синьсинь. Когда Чжу Яньинь только очнулся после потери памяти, Чжу Синьсинь как раз находился неподалеку от Лючэна. Он не раз навещал своего несчастного кузена и лично присутствовал при историческом взрыве алхимической печи. Говорили, бедняга перепугался до смерти и потом три ночи подряд мучился кошмарами.

Услышав его имя, люди из Цзянху единодушно подумали: неужели в усадьбе Чжу дают столь бесхитростные имена? Не стоило ли выбрать нечто более возвышенное и исполненное глубокого смысла, чтобы простые смертные даже выговорить не могли?

<http://bllate.org/book/18290/1754122>